

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЕПАРХИИ НА ТЕРРИТОРИИ КИРГИЗИИ

(ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД)

О христианстве в Киргизии написано много. В большинстве своем, это – описание археологических находок и архитектурных сооружений разных конфессий и разных времен. Россыпь фактов не позволяет составить сколько-нибудь цельную картину истории христианства в нашем регионе. Мы, конечно, такой задачи тоже не ставим. Взяв для рассмотрения историю Православной Церкви в Центральной Азии, мы постараемся систематизировать лишь те факты, которые касаются деятельности православных епархий на территории Киргизии. Для этого их необходимо включить в широкий культурно-исторический контекст.

Дореволюционные публикации служат богатым источником для нашего исследования, но они не содержат, как правило, никаких обобщающих характеристик, затрагивая лишь частные вопросы, связанные с постройкой храмов, молитвенных домов и монастырей, материальным положением священников и прихожан, их образовательным уровнем и нравственным обликом (1-4). Достаточно полно было освещено в литературе лишь создание Иссык-Кульского монастыря (5,6). Наиболее активно в этот период изучались проблемы миссионерской деятельности и переселенчества. Эти труды, так же как опубликованные справочно-статистические данные по

-
1. Туркестанские епархиальные ведомости. – №5, Ташкент 1907.
 2. Голос из Семиречья. Церковно-общественный вестник.
 3. Туркестанский сборник. – Т. 352.
 4. Яковлев В.А. Из церковной жизни Туркестана. – Верный, 1902.
 5. Гиляровский А. Троицкий миссионерский монастырь при озере Иссык-Куль в Туркестане. – М., 1894.
 6. Иссыккульский православный миссионерский монастырь в Средней Азии. – СПб., 1896.

Туркестанскому краю, помогают воссоздать жизнь Православной Церкви в Киргизии (7,8,9).

После 1917 года историческая наука интересовалась церковью лишь как «структурным элементом социально-экономического строя России с однозначно-реакционными в 19 веке функциями» (10, с.691). Христианство вообще, и православие в частности, стало «изучаться» с точки зрения атеизма. Такие труды, как «Краткий курс научного атеизма» или более специальные статьи по различным частным вопросам церковной истории, лишь с трудом можно использовать в качестве источников. Фактов, касающихся Киргизии и даже Средней Азии в них, как правило, нет, а обобщающие характеристики представляют собой поток вымыслов и извращений.

В некоторых трудах по истории Киргизии можно встретить упоминания о церквях, о церковно-приходских школах, но они страдают обычной тенденциозностью, поданы сатирически или уничижительно (11,12). В период подготовки к празднованию тысячелетия принятия христианства на Руси и после 1988 года марксистская наука обратилась к более детальному изучению православия. В коллективной монографии «Русское православие: Вехи истории» (М., 1989) есть попытка многосторонне осветить жизнь Церкви на всём хронологически-географическом пространстве её существования. Здесь приводятся статистические данные и по Средней Азии, могущие быть полезными для нашего исследования. Но в целом эта

монография, несмотря на свой фундаментальный облик, огромный фактический материал и анализ множества документов, методологически и стилистически мало отличается от антицерковной публицистики 20-30-х годов, о чём заявляют и сами авторы (11, с.7), откровенно негативно относящиеся к предмету своего исследования.

Можно было бы ожидать, что сама Церковь будет изучать свою историю, когда светская наука отказалась от серьёзных исследований в этой области. Но в советский период этого не произошло. До Великой Отечественной войны Православная Церковь, находясь под угрозой уничтожения, была далека от академических интересов. После войны возрождающаяся церковная жизнь потребовала срочного решения множества сложнейших политических, экономических и социальных проблем, связанных с обустройством приходской жизни в антирелигиозном государстве. Однако возрождались также и духовные академии и семинарии. Из их аудиторий до очень узкого круга читателей доходили лишь редкие статьи по церковной истории, опубликованные в «Журнале Московской Патриархии» (13) и в «Богословских Трудах». Для нашего исследования они полезны лишь как источник косвенных данных, так как мы не обнаружили ни одной работы, напрямую связанной с интересующим нас вопросом.

Недостаток научных трудов восполняется широко публикуемыми ныне книгами мемуарного характера. Воспоминания священников, митрополитов, епископов,

-
7. Любимов П.П. Религия и вероисповедальный состав населения Азиатской России. - Петроград, 1914.
 8. Вошинин В. Очерки нового Туркестан. Свет и тени русской колонизации. – СПб., 1914.
 9. Лавров М.В. Туркестан. География и история. – М., 1914.
 10. Русское православие. Вехи истории.- М., 1989.
 11. История Киргизской ССР. – В 5 томах. – Т.2. – Фрунзе, 1986.
 12. Усубалиев Т.У. Фрунзе – столица Советского Киргизстана.- М., 1971.
 13. Цитович Г. Храмы армии и флота. – Пятигорск, 1913, с.454-481.

содержат много фактов из жизни дореволюционной Церкви, в том числе и в Средней Азии. Здесь можно найти живые, яркие характеристики выдающихся церковных деятелей, глубокие обобщения и тонкие оценки исторических процессов.

С начала 90-х годов как религиозная, так и светская наука всерьёз заинтересовались историей Церкви. Профессиональными историками и священниками написано множество статей для еженедельника Среднеазиатской епархии «Слово жизни» (14), некоторые из них посвящены истории христианства в Киргизии в XIX веке (15). Здесь же была опубликовано большое историческое исследование владыки Владимира, архиепископа Бишкекского и Среднеазиатского (16). Издание православного благотворительного фонда «Веди» (—) и газета алматинской епархии «Свет православия в Казахстане» также публикуют заметки исторического характера, в основном о деятельности епископов, священников, иноков. Кроме того, издательский отдел Алматинской и Семипалатинской епархии подготовил к выходу в свет несколько книг, среди которых — первые монографии по истории православия в Туркестане (книги Н.П. Ивлева, О. Ходаковской и других).

Публикации епархиальных издательств и благотворительных фондов дают богатейший материал, однако редакции, как правило, преследуют не столько научные, сколько апологетические, организационные и назидательные цели, отбор фактов ведётся тенденциозно, крайне редко публикуются сведения о негативных явлениях в церковной жизни дореволюционной России.

Недавно на средства римско-католического прихода города Ташкента был издан сборник статей «К истории христианства в Средней Азии» (17). Открывает сборник статья Ю.Ф. Бурякова, Л.И. Жуковой и В.Н. Проскурина. Авторы коснулись многих вопросов развития православия в Средней Азии, однако общей картины церковной жизни не возникает, поскольку в статье по большей части просто перечисляются разрозненные и порой противоречивые факты из истории разных христианских конфессий. Зато другие статьи этого сборника довольно полно освещают различные аспекты православной культуры в Средней Азии: архитектуры, церковной истории. Собственно Православию в Киргизии посвящена лишь одна статья — В.Д. Горячевой и С.Я. Перегудовой «Христианские памятники Кыргызстана (XIX-XX вв.)» где собран богатый архивный материал (с чертежами, фотографиями, описаниями) о храмовом и монастырском зодчестве. Однако и другие статьи сборника полезны для нашего исследования. Крайне интересна статья О.Р. Каретниковой «Благотворительная и общественно-просветительская деятельность служителей православной церкви в Туркестане» (17, с. 147-162) и другие.

Наша работа представляет собой краткий очерк недолгой, но богатой событиями жизни Православной Церкви в Киргизстане в «имперский период». Это понятие заимствовано нами из проповедей и докладов нынешнего архиепископа Бишкекского и Среднеазиатского владыки Владимира. Оно определяет один из этапов в общей истории христианства в Туркестане.

14. «Слово Жизни» — далее «С.Ж.» от 28 июля 1993, с.2.

15. Ярков А., Галицкий В. О православной культуре в дореволюционном Кыргызстане. — «С.Ж.» от 31 мая 1996 г., с.3.

16. Владимир, архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский. Слово в день памяти Святого Апостола Фомы. Об истории христианства в Средней Азии. — «С.Ж.», 1993, №№ 103-104.

17. Горячева В.Д., Перегудова С.Я. Христианские памятники Кыргызстана. — К истории Христианства в Средней Азии. (XIX-XX вв). — Ташкент, 1998.

Первый из них приходится на период Древности и Средних веков, связан с историей первых общин, распространением христианства на восток, а также с деятельностью митрополий Центральноазиатской сирийской Церкви, со 2 по 14 века включительно.

Второй этап приходится на Новое и Новейшее время, связан с приходами Русской Православной Церкви (РПЦ) и делится на:

- 1) Имперский период (40-е годы 19 в. – 1917 г.);
- 2) Советский период (1917–1991 гг.) и
- 3) Постсоветский период, современность.

С первым периодом связана история Туркестанской епархии РПЦ на завоеванных русскими войсками землях Средней Азии, со вторым – деятельность Московского патриархата РПЦ, Истинной Православной Церкви (ИПЦ) и Обновленческой Церкви в условиях социалистического режима. На этот период приходится реорганизация епархий по республикам. Третий период отмечен деятельностью Среднеазиатской епархии Московского патриархата на территории ныне независимых государств (Узбекистан, Туркменистан, Кыргызстан и Таджикистан), а также деятельностью Русской зарубежной Церкви (РЗЦ) и Средней Азии.

Имперский период Русской православной Церкви оказывается ключевым для всего последующего развития православной веры на территории Средней Азии. Без осмысления деятельности Церкви в Туркестане любой разговор о Православии в той или иной республике, в частности, Киргизстане, превращается в простой перечень археологических, архитектурных, литературных или художественных памятников христианской культуры.

Приходы в разных районах Средней Азии возникали как органичные части единого целого – Туркестанской епархии, глава которой поставлял на места священников, заботился об

их нравственном облике, образовании в соответствии с требованиями сана, перемещал или наказывал их, благословлял или запрещал различные начинания прихожан, в том числе строительство храмов, открытие приходских школ, приютов, православных братств и т.п. Именно эту административную и духовную деятельность дореволюционной Русской Церкви мы попытаемся осветить.

Начальный этап истории христианства в Центральной Азии достаточно отражён в научной литературе, поэтому нами лишь затрагиваются некоторые события эпохи средневековья, актуальные для данного очерка.

Может возникнуть вопрос: правомерно ли вообще выстраивать общую хронологию истории православия в Туркестане? Поводы для таких сомнений серьёзны: пятивековой разрыв в истории христианства, смена этноса-носителя православной культуры (согдийцы, сирийцы, монголы, тюрки на I этапе и славяне – на 2-ом), изменение церковно-административной юрисдикции (территория Средней Азии в Новое время оказывается в ведении Московского патриархата РПЦ, а не Сиро-Персидской Церкви, как в средневековье). Этих факторов достаточно, чтобы рассматривать оба этапа развития христианства в Туркестане как изолированные и самостоятельные явления, лишь формально объединённые территориальным признаком. Однако, когда мы ведем разговор об истории религии необходимо учитывать не только географические и биологические факторы, но так же факторы духовной культуры, которые свидетельствуют о наличии духовной преемственности и важной роли первоначальных веков истории христианства в Центральной Азии. Для религиозного сознания уже важен сам факт христианизации народов этого региона. Священники и епископы Русской Православной Церкви оказывались как бы продолжателями дела Святого Апостола Фомы, с которым церковное предание связывает просвещение народов Центральной и Южной Азии в I в. н.э. Апостолу Фоме

выпал жребий проповедовать христианство в «Индийских странах» (очевидно, это понятие объединяло все малоисследованные земли к востоку от Римской империи), просветить народы: «Парфы и Миды, Персы... и Гирканы, Бактры и Брахманы». С индийским купцом просветитель через Иран до Окса (Амударьи), через Мавераннахр и хивинские земли проследовал в Индию. Индийская христианская церковь и поныне носит имя апостола Фомы, много пострадавшего за её создание. Также и апостольское благовествование среднеазиатским народам оказалось бесполезным. Сведения о первых раннехристианских общинах относятся к концу I в. н.э.

4 век был ознаменован большим притоком христиан в Среднюю Азию. Это были странствующие монахи, проповедники, ремесленники, купцы. К этому же времени относится создание здесь первых митрополий: Мервской, Самаркандской, Винкердской и Невакетской. Первое упоминание о христианском епископе г. Мерва относится к 334 г. Мервская митрополия принадлежала к православной персидской («Халдейской») Центрально-азиатской Церкви, которая в 30-х годах 5 века оказалась под влиянием несториан. Произошел раскол, в результате которого в 484 году образовалась несторианская Сиро-Персидская (Ассирийская) Церковь. Тем не менее не все общины отступили от православия. В 5 в. в Мерве кафедра мелькитов (православных) соседствовала с несторианской резиденцией. Многие мервские митрополиты были видными богословами, которым приходилось защищать православные догматы от еретиков. Один из самых видных – церковный историк и комментатор книг Священного Писания митрополит Илия, которому приписывается обращение в христианство некоторых тюркских народов (сер. 7 в.). В это же время под Мервом был православный монастырь.

Самаркандская и Винкердская митрополии окормляли христианские общины Амударьи, Сырдарьи и др. на территории современного Узбекистана. Здесь, так же, как и в Мервской

митрополии, влияние несториан с веками всё усиливалось, о чём свидетельствует преобладание археологических памятников несторианского происхождения. О существовании православных общин говорят иконы на ткани (занданачи), керамика с Евангельскими сюжетами, фресковая живопись.

На территории Киргизстана в городе Невакате (городище близ посёлка Красная Речка) располагалась Невакетская митрополия, которая к 9 в. объединила общины Семиречья, Восточного Туркестана и Сибири, окормляя, в основном, тюрк-карлуков и кара-киданей. Здесь несторианство было наиболее сильно. Собственно христианство в Семиречье распространялось благодаря усилиям несторианских сирийцев. В XI веке усилилось влияние православной Невакетской митрополии. Митрополит с титулом «Невакетский и Кашгарский» благословлял активную миссионерскую деятельность. Деятельность несториан была направлена против мелькитов, происходило подавление и административное притеснение православных общин при помощи знатных карлуков, а потом влиятельных монгол-несториан. Вообще повсюду в Центральной Азии деятельность несториан сопровождалась политическими интригами. Проникая в придворные круги, они вмешивались в политику, стремились действовать через жён знатных людей, добываясь от властей покровительства своей церкви, захватывая православные монастыри, изгоняя православных епископов. Против православных был заключён союз несториан и монофизитов, двух противоположных христианских учений (несториане отрицают Деву Марию как мать Божию, называли её христородицей, т.е. видели и признавали лишь человеческую сущность Христа, а монофизиты толковали об одной божественной природе Спасителя).

К началу первого тысячелетия в Средней Азии православной оставалась одна только Хорезмийская епархия, перешедшая в юрисдикцию Антиохийского патриархата. С ослаблением Византийской империи эта окраинная епархия оказалась

предоставленной самой себе и к 13 веку прекратила своё существование. Монофизитам удалось продержаться более длительный срок. Об их присутствии в Семиречье в 14 веке свидетельствует находка археологами надгробного камня армянского епископа Иоанна, похороненного в 1332 году в Тараскенте (городище Караджигач, известное по дореволюционным публикациям как «кладбище вблизи Пишпека») и письменные сообщения о монастыре братьев-армян на берегу Иссык-Куля, где хранилось тело Св. Апостола и Евангелиста Матфея.

С торжеством мусульманства несторианство, несмотря на активный прозелитизм, а скорее всего, именно благодаря излишне настойчивой миссионерской деятельности, повсюду в Средней Азии приходит в упадок в 14 в. От самой обширной в 7-11 веках христианской Церкви (Аравия, Северная Индия, Центральная Азия, Китай) сохранились рассыпанные по миру общины ассирийских христиан (айсоров), окормляемые Католикосом-Патриархом Ассирийской Церкви Востока (19, с.9-10). Примечательно, что первый Туркестанский епископ Софония, (церковный писатель, путешественник и учёный) был исследователем и знатоком христианства армянского и несторианского толка. Его книга, посвящённая проблемам несторианства, стала главным пособием православной миссии среди несториан, имевшей успешное завершение (13). В 1898 году несколько тысяч айсоров из Персии и Западной Турции во главе с архиепископом перешли в православие через покаяние, подчинив себя юрисдикции Русской Православной Церкви. Так Православная Церковь ответила на многовековые проiski несториан против мелькитов.

Русская Православная Церковь, обосновываясь в Туркестане, учла печальный опыт пребывания здесь христиан в эпоху средневековья. Владыка Владимир, нынешний епископ

Бишкекский и Среднеазиатский, основную причину гибели Сиро-Персидской Церкви видит в «самоубийственной тактике» проповедников христианства (несториан и католиков) среди мусульман Туркестана. Он ставит вопрос: «Может ли христианство существовать в странах, где главенствует такая мощная религия, как Ислам?», и отвечает: «Мусульманство, крайне настороженное в отношении к протестантским сектам, англичанам и римо-католикам, оказывается терпимо и дружелюбно к православным христианам, хранящим в чистоте апостольскую и святоотеческую веру». Из-за того, что «мусульмане остро реагируют на всякие попытки миссионерства в их среде, миссионерской деятельности в Туркестане почти не велось». Благодаря политике невмешательства во внутренние дела духовного ведомства мусульман, «отношения между православным и мусульманским духовенством оставались наилучшими» (16, № 104, с.2).

Судя по статьям и публикациям архиепископа Владимира, а также по другим публикациям еженедельника Ташкентско-Среднеазиатской епархии «Слово жизни», который является для нас основным источником как выразитель мнения Православной Церкви о самой себе, можно предположить, что полторы тысячи лет пребывания христиан в Туркестане и 150 лет Среднеазиатской епархии для Русской Православной Церкви – взаимосвязанные события одной и той же церковной истории. Дело в том, что для православных существует лишь одна Церковь на земле – Святая Соборная и Апостольская Церковь. Поместные Церкви составляют единое мистическое тело этой Церкви Христовой, для которой «нет ни эллина, ни иудея» ни сирийца, ни русского.

Спустя пять столетий, когда Средняя Азия вновь стала местом распространения христианства, вера прибыла в сердца её первых носителей: офицеров, солдат и священников

императорских войск, появившихся раньше русских и украинских переселенцев.

В Российской империи существовал особый институт полковых священников, которые сопровождали войска в походах. Каждодневная жизнь православного человека требует постоянного присутствия священника для совершения божественной литургии, молебнов, таинств. Тем более, чреватая опасностями походная жизнь для верующего человека немислима без духовного утешения, укрепления сил раненых, напутствия умирающих, отпевания погибших.

Определенные Св. Синодом священники и иеромонахи (т.е. священники-монахи) для отъезда в действующую армию являлись в Синодальную контору, где получали деньги на дорогу, документы. Каждому из них выдавали ящик с церковной утварью и облачениями – походная церковь. Чаще всего священники служили при госпиталях, которые основывались на благотворительные средства православных общин. О. Варсонофий, оптинский старец, побывавший на войне, описывает в письме такой госпиталь: «Теперь госпиталь полон больными и ранеными, которых привозят с поля сражения... Наличный медицинский персонал невелик... Уход хороший. Приходится исповедовать и приобщать Святых Тайн болящих и утешать их духовно, как Господь вразумит. Только теперь, когда я встретился лицом к лицу с русскими ранеными воинами, офицерами и солдатами, я убедился, какая бездна христианской любви и самоотверженности заключается в сердце русского человека, и нигде, может быть, не проявляются они в такой изумляющей силе и величии, как на поле брани. (21, с.137-138).

Живо описан образ полкового священника в воспоминаниях

митрополита Вениамина (Федченкова). «Вот он выходит из тумана забвения: скромная фигура в неновом уже подряснике, подпоясанном солдатским ремнем, в солдатских же сапогах, с образом Спасителя на груди. Он идет по развороченному снарядами полю, на котором смерть собирает свой страшный урожай... Согласно канонам Православной Церкви, священник не может брать в руки оружия. Никто не принуждал военных иереев выходить на передовые позиции. Но вооруженные одним оружием – основным на вере мужеством, они выносили раненных с поля боя, причащали под свист пуль умирающих, а иногда и поднимали с крестом в руках своих «прихожан» в атаку» (20, с. 18-19). Последние слова очевидно описывают старейшего из Туркестанских священников протоиерея Андрея Малова. Овдовев, он стал в 1856 году военным священником и приехал в форт Перовский (г. Кызыл-Орда). Более десяти лет он исполнял нелегкую службу в армии. О. Андрей шел впереди штурмующей колонны при взятии крепости Динь-Курган в 1862 году. Он находился под огнем противника во время осады г. Туркестана в 1864 году, одним из первых взшел на стены Ташкента, в бою под Ходжентом, принял на себя командование батареей, когда погибли все офицеры-артиллеристы (20, с.20). «Слава «боевого попа», любимца офицеров и простых казаков, поистине «гремела трубой», – поется в одной из туркестанских песен. Малов в азарте боя не признавал даже временных уступок, не дай Бог, поражения: «Ошибка это, братцы! Ошибка барабанщика. Какой отбой? Ура теперь надо! Ур-ра!» И воодушевленные его громогласным возгласом войска находили самообладание, поднимались и шли в атаку за священником: «Идем, братцы, победа наша, батюшка Малов с нами!», – вспоминают современники (24, с.37). Бывал ли этот легендарный священник на территории нынешнего Киргизстана? Точных указаний на это нет. Но осмелимся предположить, что по нераздельности тогда

20. Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. – М.; Изд-во «Отчий дом», 1994.

21. Житие схиархимандрита Варсонофия. Издание Введенской Оптиной пустыни, 1995.

24. Проскурин В. Дедушка русского Туркестана.- «Веди» ^о3-4, Алматы, 1999.

территорий туркестанского края, мог он проезжать и по Чуйской долине. Например, когда для походной церкви армии Черняева, ездил из Чимкента в Верный. «Чтобы не оставлять войска без пасхальной службы, – вспоминал М.Г.Черняев, – неутомимый, бесстрашный о. Малов с двумя казаками слетал за семьсот верст в Верный и, не отдыхая, вернулся в Чимкент. Да еще по дороге ночевал у какого-то степняка, который дал барана резать и предложил поменять лошадей». (24 с.38). Даже если отец Андрей ехал другой дорогой, его присутствие в войсках, а затем и в приходах Туркестана, несомненно сказалось и на культуре Киргизстана. Влияние его личности распространялось на всех священников, служивших здесь. И после окончания военных действий многим из них был свойственен, хоть и в меньшей степени, тот же ореол особого христианского подвижничества, не аскетического, а боевого, дух первопроходцев, горение просветителей.

Обычно военные походные храмы размещались либо в поездах, либо в палатках или шатрах из непромокаемой ткани, вмещавших до тысячи воинов. На территории Киргизии железной дороге тогда не было, значит здесь могли быть только палатки. Кроме того, были взяты на вооружение местные методы строительства. Временные молитвенные дома, построенные по образцу юрт, назывались «кошемными» (такой храм был в Караколе). Храмов деревянных и каменных ещё не было, мало было и священников. Такое благочиние – пустое, неустроенное, бедное – достается в управление Андрею Малову в 1866 г. Он становится благочинным церквей Туркестанского края, находившихся тогда в ведении двух епископов: Оренбургского и Томского. Условия края и особые дарования о. Андрея позволили предоставить ему исключительное право разрешать без епископского благословения постройку церквей и освящать их.

Первые церкви в Туркестане были военными. Они от строительства до полного содержания находились в ведении инженерного ведомства военного министерства России, а

духовное управление находилось в руках благочинного, который по службе подчинялся протопресвитеру военного и морского духовенства в Санкт-Петербурге. Военные церкви остаются до конца императорского периода при гарнизонах, госпиталях и т.д. С увеличением числа приходов процентное содержание их всё время падает. Когда встал вопрос о создании епархии, о. Андрею Малову предложили стать первым Туркестанским епископом. Но он по смирению отказался, оставшись до конца дней своих служить в Ташкенте. Протоиерей Андрей Малов воспитал большое число священников, которые были так нужны Туркестанскому краю, активно заселявшемуся русскими переселенцами.

Первые постоянные приходские храмы возникали в маленьких станицах, а не в крупных городах края. Вслед за этим возникают небольшие храмы в русских пригородах местных городов и в завоеванных крепостях. Так образуются первые православные приходы. По всей России был организован сбор средств – пожертвований на строительство храмов.

Храмы первоначально были маленькими, очень бедными, потому что бедствовала паства, переселившиеся в поисках свободных пахотных земель украинские и русские земледельцы, ссыльное уральское казачество. Отчеты сельских и разъездных священников Туркестана свидетельствуют о крайней нищете прихожан первых храмов. Иеромонах Харитон из села Самсоновское пишет: «Служить пришлось в крестьянской избушке. Изба так тесна, что при стечении народа дышать нечем, делается прямо невыносимая духота... В довершение всего певчих и чтеца не было, некому было пропеть даже «Господи, помилуй», сам я все пел и читал» (и он же отмечает: «киргизы сочувствуют переселенцам – без того многие помирали бы с голоду и нужды»). А священник Кирилл Яршак из села Алексеевское жалуется: «Проповеди говорили самые короткие, потому что молитвенный дом холодный, а народ по бедности одет очень плохо...». (16, № 104, с. 2).

Православие, вернувшееся с русским имперскими войсками в Среднюю Азию, вовсе не походило на религию завоевателей. Более того, царская администрация нередко даже препятствовала деятельности церкви в Туркестанском крае. Когда в 1871 году императорским указом было утверждено решение Св. Синода о создании Ташкентской и Туркестанской епархии, генерал-губернатор края фон Кауфман воспротивился размещению епископской кафедры в столице края, – в Ташкенте. Он и его преемники боялись конкуренции со стороны православных архиереев. Один из них (генерал Куропаткин) заявил: «...громкая, бьющая в глаза внешность православного епископа может умалить в глазах местного населения авторитет генерал-губернатора».

Вплоть до начала 1917 года Туркестанские епископы именовались Ташкентскими только номинально, так как кафедра размещалась в Верном.

Всего до революции правящих архиереев в Туркестанской епархии было десять: *Софония* (1871-1877), *Александр* (1877-1883), *Неофит* (1883-1892), *Григорий* (1892-1895), *Никон* (1895-1897), *Анастасий* (до епархии из-за болезни не доехал), *Аркадий* (1897-1902), *Паисий* (1902-1906), *Димитрий* (1906-1912), *Иннокентий* (1912-1923).

Какие цели определяли деятельность архиепископов Туркестанской епархий? Основных несколько: перенос епископской кафедры из Верного в Ташкент; строительство храмов, пополнение рядов духовенства, основание монастырей, организация духовного просвещения, благотворительность.

Перенос епископской кафедры из Верного в Ташкент. До 1916 г. архиепископы Ташкентские и Туркестанские, (именуясь Ташкентскими) проживали в г. Верном. Все 9 архиереев хлопотали о переводе кафедры в Ташкент. Город Верный расположен на окраине огромной епархии, откуда трудно было

управлять разбросанными приходами, собирать духовенство на собрания, предпринимать поездки по Туркестанскому краю. Губернские власти категорически возражали. В самом начале XX века (при архиепископе Паисии) из-за вопроса о переносе кафедры произошел конфликт между церковью и царской администрацией. Большинство городских храмов, созданных как на казенные, так и на гражданские средства, было изъято из епархиального ведомства и передано Санкт-Петербургскому протопресвиторству военного и морского духовенства. Следующий епископ, Дмитрий, в течение нескольких лет возвращал храмы, не оставляя надежды на перенос кафедры в Ташкент. Однако, добиться этого удалось лишь в 1916 году архиепископу Иннокентию. Перед февральской революцией архиерейский дом переехал в столицу края Ташкент. В г. Верном было учреждено викариатство, подведомственное епископу Туркестанскому. Правящий здесь викарный епископ носил титул «Верненский и Семиреченский». Храмы, построенные и действующие в Кыргызстане, оказались в ведении Верненского викария. Очередное административное преобразование произошло в 1936 году, когда была образована новая самостоятельная епархия, которую возглавил архиепископ Алма-Атинский и Казахстанский. При этом приходы Киргизстана остались в ведении архиепископа Ташкентского и Среднеазиатского.

Строительство храмов. Церкви в дореволюционной России, в том числе в Туркестане, строились быстро, за год-два. Место под храм чаще всего приобреталось на средства благочестивых прихожан, освещалось правящим архиереем, после чего начиналось строительство. Церкви чаще всего строились по типовым проектам, утвержденным Св. Синодом для всех епархий. Такие проекты могли иметь целевое назначение: гарнизонные, городские, сельские, железнодорожные храмы, они могли различаться по величине, в расчете на 400, 700, 1000 человек. По проекту для гарнизонных церквей был построен, например, храм архистратига Михаила в г. Оше. Кроме того,

строились храмы и по индивидуальным проектам. Такие, например, как ныне разрушенный храм в г. Чиназе под Ташкентом (арх. А.Бенуа) или храм в Байрам-Али, построенный В.Щусевым и расписанный М.Нестеровым.

После землетрясения 1889 года почти все кирпичные храмы Семиречья были разрушены. В Киргизстане и Казахстане стали строить более сейсмостойчивые деревянные храмы. Верненский архитектор А. Зенков и Ташкентский В. Гейнцельман разработали серию проектов деревянных храмов, специально приспособленных к условиям Средней Азии (17, с. 62-64). В российских городах деревянные храмы уже не возводились, в Туркестане же деревянное храмовое зодчество переживало свой новый расцвет. До нынешнего дня дошли немногие из этих зданий: Свято-Троицкий собор в Караколе, храм в честь Архангела Михаила в с. Беловодское, церковь Св. Георгия в Токмаке. Эти церкви ярко демонстрируют основные принципы церковного зодчества в Киргизстане (17, с. 93-94).

Свято-Троицкий храм в г. Каракол. 90-е гг. 19 века

Планы этих церквей представляют собой модификацию традиционной крестово-купольной системы. Барабаны – не круглые, а восьмигранные, купола нередко граненые или заменены шатрами, граненные же или прямоугольные в плане апсиды, – все эти особенности вызваны тем, что материалом для строительства служило дерево, естественно не допускавшее

округлых объемов и плавных очертаний. Крестово-купольный план усложнялся включением в него колокольни. Последовательность «нанизывания» архитектурных объемов на продольную ось «запад-восток» обычно была такова: паперть, притвор, являющаяся первым этажом 2-х или 3-х ярусной колокольни, 3-х или однонефное, прямоугольное в плане пространство храма, пересечённое поперечным рукавом и алтарь с ризницей и пономарней по бокам. Такое объединение разных служебных помещений в одно целое было обычным приёмом в церковном зодчестве 19 века (22). Оно вызывалось потребностями служебной практики и удешевлением строительства.

Внешний облик здания определялся сочетанием нескольких граненных объемов (восьмерики на четвериках), умеренным количеством куполов и шатров, спокойной линией карнизов, оконных проёмов и цоколя. Образное решение храма зависело от характера декора. Стилистическое решение внешнего убранства создавало неповторимый художественный облик каждого храма. Отштукатуренные фасады Токмакской и Пишпекской (Серафимовской) церквей, украшенные классическим декором из полуколонн, фриз, филеник, кронштейнов, создают имитацию кирпичного храма с кокошниками, построенного в стиле русского классицизма. Нарядная кружевная резьба по дереву, украшающая каракольскую церковь, точёные балясины оконного обрамления в сочетании с шатровыми покрытиями заставляют вспомнить о лучших образцах русского деревянного зодчества 18 века.

По сравнению с деревянными храмами кирпичные церкви (Никольская в Пишпекке, Дмитриевская в Таласе, Михайловская в Оше) оставляют впечатление большей эклектичности.

Преобладание строительства по типовым проектам было вызвано чрезвычайной бедностью сельских приходов на территории Киргизии. Переселенцам чаще всего отводились

незанятые отдаленные уголья. В крайней нищете жили русские крестьяне в урочище Сусамыр, в Кетмень-Тюбе. Дело в том, что царская администрация проводила крайне осторожно земельную политику, стараясь не затрагивать интересов коренного населения. Деньги на строительство церквей лишь изредка выдавались из государственной казны. Значительная часть средств состояла из пожертвований местных русских купцов и чиновников. Особенно отличился купец 1-ой гильдии Н.И.Иванов, построивший за свой счет 5 храмов: три сельских и два городских (в Ташкенте и Пишпекке). Кроме того, по традиции по всей России был организован сбор средств на строительство новых туркестанских храмов. Помогло и местное мусульманское население, жертвуя большие деньги на «русские мечети». В некоторых сельских приходах храмы были построены за счёт мусульманского духовенства.

К концу имперского периода православные храмы имелись во всех русских селах Туркестана, а в крупных городах – по нескольку. Больше всего – в Ашгабаде (22), в Ташкенте (16), Верном (10), Самарканде (8) и Бишкеке (6).

На территории Киргизии располагалось около сорока храмов, почти половина всех храмов епархии после выделения Верненского викариата в самостоятельную епархию. Самое большое количество церквей – в Прииссыкулье (Балыкчи, Каракол, Семеновка, Ананьево, Светлый Мыс, Николаевка, Тюп, Михайловка, Отрадное, Орлиное, Покровка, Вознесенка, Теплоключенка, Григорьевка). В Чуйской долине храмы были во всех крупных населенных пунктах (Пишпек, Карабалта, Беловодское, Чалдовар, Сазановка, Преображенское, Сокулук, Кант, Васильевка, Красная Речка, Ивановка, Токмак, Быстровка). На юге Киргизии – в Оше, Джалал-Абаде, Узгене, Караване, Кызыл-Кие, Кок-Янгане, Куршабе, Каракуле и Сулюкте; были храмы и в Таласской области – в г. Талас, в селах: Дмитриевское, Покровка, Грозное (Кировское), Ключевка. Кроме того, почти во всех русских и украинских населенных пунктах (всего их к

1917 году было более 200) там, где не было храмов, строились молитвенные дома, которые окормлялись священниками близлежащих сел. Существовало также несколько старообрядческих молитвенных домов в Чуйской долине и на берегу Иссык-Куля, которые были устроены сосланными за религиозные убеждения казаками (17, с. 102-107).

Первые церкви в Киргизии возникли в 70-х годах 19 века (Каракольская, Токмакская, Пишпекская). Последние строились при замечательном епископе Димитрии (Абашидзе), который освятил большинство храмов епархии. Владыка Димитрий заботился не только о материальном, но и о духовном устройстве церкви. Его попечением храмы обогащались частицами святых мощей и иконами из Новгорода, Киева, а частицы мощей особо почитаемого в народе Св. Целителя Великомученика Пантелеймона были доставлены с самого Афона. Епископ Димитрий благословил строительство трех храмов во имя Св. Серафима Саровского сразу же вслед за канонизацией преподобного Серафима в 1906 г. Эти храмы (в Пишпекке, Красной Речке и Караколе) демонстрируют чуткость туркестанского иерарха к чувствам верующих, которые так же, как и весь православный народ России, очень любили Саровского угодника и радовались его прославлению.

Рассматривая список храмов Киргизии, обратим внимание на имена тех святых, которым посвящались церкви. Особенно часто храмы освящали в честь праздника Покрова Пресвятой Богородицы и Казанской иконы Божией Матери. Это обстоятельство, очевидно, связано с тем, что в особо трудных условиях бедные переселенцы больше всего надеялись на помощь Богородицы. Выбор образа Казанской Божией Матери покажется неслучайным, если мы вспомним, что именно эта икона, найденная в Казане, почиталась православными как охранительница южных степных рубежей России. Много храмов было освящено во имя Архистратига Михаила, Георгия Победоносца, Димитрия Солунского, Александра Невского,

потому что эти святые почитаются как покровители воинства. Как и в России, в Семиречье много строилось Никольских храмов, Святитель Николай-Чудотворец всегда был любим православными, а иноверцы именовали его «русским Богом». Известны также случаи поклонения этому святителю и со стороны кочевников Центральной Азии и Сибири. Имена этих заступников чаще всего призывали в своих молитвах верующие вдали от родины.

При последнем дореволюционном епископе Иннокентии строительство церквей не велось, что объяснялось необходимостью пожертвований на военные нужды. После революции большинство храмов было разрушено или перестроено: снимались барабаны с куполами, сбивались и забеливались росписи, перепланировались внутренние помещения. Печальная судьба постигла даже самые красивые из них: Каракольский Свято-Троицкий собор был превращен в спортивную школу, храм Димитрия Солунского в с. Теплоключенка – в сельский клуб и библиотеку, Пишпекский Никольский собор – в выставочное помещение, Пишпекская церковь Серафима Саровского – в детский дом, потом снесена. Перед Отечественной войной в Киргизии не было ни одного действующего храма, а во всей епархии службы продолжались лишь в самаркандском храме и под открытым небом у часовни Всех Скорбящих Радости в Ташкенте. Сейчас почти все оставшиеся церкви возвращены верующим, и в них возобновлено богослужение.

Пополнение рядов духовенства – одна из самых трудных задач Туркестанских архиереев. Служба в отдаленных, труднодоступных бедных приходах с непривычным климатом и инословным окружением мало кого прельщала, она требовала особенной самоотдачи, особенно пылкого и терпеливого труда. Молодые священники из российских духовных семинарий предпочитали ехать в более обжитые родные русские приходы. Своей семинарии в епархии не было до 1915 года. По молодости

епархии не было здесь и потомственных священников. Долгое время многие приходы оставались без пастырей. Переселенцы испытывали большие трудности из-за нехватки духовенства: Не было не только обычных служб, даже большие праздники верующие не могли встретить по-православному. Задолго до Пасхи посылали они гонцов в дальние селения, где имелся священник, чтобы освятить куличи, а потом делили их на кусочки и благоговейно вкушали, как святыню в день Воскресения Христова... Вплоть до 10-х годов нынешнего века Туркестанские архиереи получали «слезницы», трогательные прошения крестьян, оставшихся без пастырского окормления... «Тяжело было нашему сердцу жить без храма, ещё тяжелее было разговляться в Светлое Христово Воскресение неосвященным хлебом. И вот собрали мы свои последние гроши и выстроили молитвенный дом. Но все же не исцелили мы своей тоски. Умилосердись, Владыко, пошли нам служителя апостольского. Как нам жить без Божественной Литургии, как нам жить без наставника нашей жизни? Горько, очень горько жить так православному человеку, но ещё в сто раз горше умирать. Умирать, как бессловесному созданию, без Святого Причащения! Пожалей наши души, Владыко, не дай нам умереть без покаяния, назначь к нам пастыря! А мы будем любить его, будем охранять его, как отца родного!» (7).

Значительные результаты принесли труды архиепископа Григория, который привлек к служению в Туркестанском крае многих выпускников Уфимской и Иркутской духовных семинарий, где он ректорствовал до архиепископского назначения. Кроме того, он рукополагал местных активных прихожан. Эти молодые священники, вдохновленные призывом любимого учителя, полные жажды подвижнической деятельности, сознательно шли на все трудности жизни в бедных труднодоступных сельских приходах. В истории епархии они получили особое название – «григорьевцы».

Только девятому архиепископу Димитрию удалось

окончательно решить проблему. При вступлении в управление епархией, здесь были: 1 Соборная церковь (в г. Верном), 88 приходских, 11 приписных (гимназические, тюремные и проч.), 30 часовен (большей частью на кладбищах) (23). При владыке Димитрии было создано 84 новых храма, удвоилось число приходов (всего приходов стало 162) и во всех приходах епархии появились священники. Духовенство, благодаря личным связям и неумолимости владыки, пополнялось из числа грамотных сельчан, а также вызывалось из России. Владыка Димитрий созвал первый епархиальный съезд туркестанского духовенства, а также основал журнал «Туркестанские Епархиальные Ведомости», что способствовало просвещению не только среднеазиатского духовенства, но и всего русскоязычного населения. Чтобы оценить усилия по проведению этих мероприятий в Туркестане, укажем на то, что в беднейшей епархии не было даже шрифтов (это в 20 веке!). Два предыдущих епископа не осмелились благословить издание журнала из-за его сложности и дороговизны, да и учрежденный в 1906 году журнал с трудом пробивался в свет по свидетельству его редактора О.М. Андреева: «Город Верный, удаленный на тысячи верст от торговых и промышленных центров, не может быстро обставить даже такое небольшое издание, как Епархиальные Ведомости, а для того, чтобы иметь все нужное для печатания, приходится ожидать месяцы... Владыка несколько раз предлагал мне свои средства на оборудование технической стороны, но никакие средства не в состоянии были в короткий срок достать необходимый материал». И все-таки журнал стал выходить и «служить пока единственной связью между разбросанными на тысячеверстные расстояния духовенством» (1, №5, 1907).

Только одно начинание по воспитанию и образованию священников архиепископа Дмитрия не увенчалось успехом – создание духовной семинарии. Она была учреждена в 1915 г. в Ташкенте попечением Н.И. Иванова, известного жертвователя

на церковные нужды. К этому времени на 250 тысяч православного населения Туркестанского края в епархии служило около 150 священников, 50 диаконов, 60 псалмовщиков (23). Семинария призвана была пополнять ряды епархиального духовенства местными кадрами, но из-за революции, она не успела развернуть свою деятельность.

Благотворительная деятельность. «Первой ступенью благотворительности, – по мнению О.Р. Каретниковой, посвятившей целую статью этой проблеме, – являлся самый прямой и широко распространённый её вид – тарелочные, кружечные и кошельковые сборы, производимые во время богослужений на вполне определённые нужды» (17, с. 147).

Посмотрим, на что жертвовали деньги небогатые пишпекские горожане. В 1905 году, например, пишпекский благочинный отчитывался о сборах на восстановление православия на Кавказе, на улучшение быта православных паломников в Палестине, на призрение бедных духовного звания, в пользу православного миссионерского общества, на распространение православия между язычниками империи, на воспоможение беднейшему православному духовенству.

В другие годы собирались средства в пользу Красного Креста, на содержание церковно-приходских школ, приюта для детей слабоумных и эпилептиков, для учреждения в Ташкенте отделения Комитета попечительства о глухонемых и слепых, в пользу пострадавших от землетрясения в Мессине.

Церковные сборы представляли собой значительные средства (сотни тысяч рублей), которые составлялись из небольших сумм, собранных в каждой церкви. Благодаря кружечным сборам церковь регулировала пожертвования прихожан, направляя их в руки нуждающихся, борясь с

профессиональными нищими. Сборы также регулировались императорскими указами. Во время Первой мировой войны позволялись только сборы на военные нужды.

Своими средствами, материальными, людскими и духовными, Церковь принимала активное участие во всех богоугодных заведениях края. Было создано несколько приютов для сирот с начальной школой для русских и местных детей, в Ташкенте открыты Дом Труда, ночлежный приют и бесплатная столовая, постоянно улучшалось состояние губернской тюрьмы, организовывался сбор средств среди священников в пользу нуждающихся крестьян-переселенцев (1890 г.).

Особенную помощь – пример мужества, твердости духа и покорности воле Божией – подал владыка Неофит своей пастве при сильном землетрясении. Верный был почти полностью разрушен. «Едва спасшись из-под развалин своего помещения, архипастырь призвал вверенную ему паству к молитве, и силою веры и надежды на милосердие Божие вселил в сердца постигнутых несчастьем жителей мирное чувство, столь спасительное в дни тяжких испытаний (14, 28 июля 1893 г.),- сейчас это называется «психологической помощью». И в последующие дни ежедневно служил лично службы под открытым небом и во временных храмах. Так же равнодушно относились к своей пастве приходские священники. В.Галицкий и А.Ярков приводят следующий пример: «...землетрясением 1889 года была разрушена ... церковь в селе Сазановском. Сазановский священник оказался мужественным человеком и, несмотря на собственные беды, выехал вместе с псаломщиком в соседнее селение Уй-Тал (где был молитвенный дом), чтобы похоронить убитых и успокоить страждущих. С той поры это село было причислено к Сазановскому приходу» (15).

Во многих делах благотворительности христиане действовали совместно с мусульманами. Устройством приютов для детей сирот в Туркестане занималось православное Казанско-

Богородичное братство. Члены этого братства собирали пожертвования на приюты, в которых вместе воспитывались сироты разных национальностей. На устройство такого приюта бухарский эмир Саид Алимхан прислал десять тысяч червонцев, случались пожертвования и от мусульманских купцов, и от духовенства. В таких заведениях обязательно преподавался Закон Божий для русских детей – православным священником, для местных – муллой.

Миссионерская деятельность, духовное просвещение, – монастыри

Выше мы уже писали о причинах, по которым было приостановлено обращение в Православие народов Туркестана. Были лишь единичные случаи перехода местных жителей в христианство. Пытался организовать миссию среди язычников Киргизстана епископ Григорий (Полетаев), но генерал-губернатор Вревский остановил его деятельность указом о передаче религиозных дел кара-киргизов в ведение сартского (узбекского) мусульманского духовенства. В течение всего имперского периода приняло христианство 8 кара-кыргыз, 2 туркмена, 3 сарта, 1 перс. В то же время 9 православных перешли в мусульманство, среди них был один священник. Для сравнения возьмем Алтай, где в это же самое время действовало несколько миссионерских монастырей, целые села обращались в Православие, была образована Алтайская епархия, в храмах которой богослужение совершалось на алтайском языке. В Туркестане влияние мусульманства было огромным и русская администрация опасалась вызвать его неудовольствие. В инструкциях, направляемых в Туркестан, категорично указывалось чиновникам «проявлять справедливость к нуждам и интересам мусульман». Имперские власти следили, чтобы ради спокойствия в крае русское присутствие никак не отразилось на обычаях и вере местных жителей (18). Миссионерская

деятельность здесь была направлена на предотвращение случаев перехода в мусульманство из православия.

Духовное просвещение среди православного населения края организовывалось церковно-приходскими попечительствами и библейскими обществами при церквях (таких было около сотни в конце периода). В крае открывались библиотеки, устраивались народные чтения. При многих храмах действовали приходские начальные школы, и, наоборот, при гимназиях и училищах создавались храмы. Здание церковно-приходской школы Серафимовского храма г. Пишпека до сих пор сохранилось на углу улиц Киевской и Уметалиева. Это – хотя и одноэтажное, но очень основательное, кирпичное, на высоком фундаменте с большими красивыми окнами строение.

В деле образования, как и во многих других начинаниях Туркестанской епархии, ярко выделяются две фигуры: о. Андрея Малого и епископа Димитрия. Первая мысль об устройстве училищ в среднеазиатской степи принадлежала епископу Оренбургскому и Уфимскому Антонию, в ведении которого было значительное число среднеазиатских храмов. По его указу о. Андрей начал обучение детей по программе, составленной им самим. Он был законоучителем в уездном училище, а в приходском вел преподавание по всем предметам.

Усовершенствования в систему преподавания Закона Божьего вводил владыка Димитрий, стараясь избежать столь частого в этом деле формального подхода. Он основал Казанско-Богородичное православное братство, объединившее образованных мирян для просветительской и благотворительной деятельности. Заботясь о духовном просвещении взрослых, владыка открыл религиозно-просветительские общества в гг. Верном и Ташкенте. Среди людей, близких к нему – выдающийся просветитель края Н.П. Остроумов, архитектор А. Зенков и др.

В православной Руси, как правило, главными центрами духовного просвещения становились монастыри. В Туркестане этого не произошло, потому что революция прервала начавшуюся только работу по созданию монастырских комплексов. Всего в Туркестанской епархии было образовано три монастыря: Свято-Троицкий мужской монастырь на берегу озера Иссык-Куль, Свято-Никольский женский монастырь под Ташкентом, Верненский Серафимо-Иверский женский монастырь. Во всех этих обителях к 1917 г. подвизалось – 28 монахов, 11 послушников, 16 монахинь и полсотни послушниц. Кроме того, в Средней Азии существовало 3 женских общины, где проживало около 17 послушниц. Во владениях всех этих монастырей было 3940 десятин земли. Все эти цифры – мизерные по сравнению с другими районами Российской империи. Один Соловецкий монастырь, например, владел 66 тыс. десятин земли, что в 22 раза больше, чем туркестанские монастыри и общины вместе взятые (10, с. 556, 558).

Иссык-Кульский монастырь (ныне не существующий) был самым крупным и по количеству братии, и по духовному значению. Решение о его создании было принято в 1881 г. на основании докладной записки тогдашнего архиепископа Александра. Первоначально этот монастырь задумывался как миссионерский центр и очаг просвещения и культуры. Предполагалось, что монастырское благоустройство может стать проводником улучшенных способов земледелия и других сельскохозяйственных начинаний среди переселенцев и местных жителей. 21 мая 1881 г. было освящено место в долине Курменты на берегу Узкого залива, в 12 верстах от села Преображенского. Монастырь освятили в честь Святой Троицы, так как приезд архиепископа на Иссык-Куль совпал с праздником Троицы. Будущему монастырю было отведено 530 десятин 1100 сажень земли и 20 тысяч рублей из запасных средств Православного миссионерского общества. В течение 80-х годов монастырь, еще малолюдный, благоустраивался, были возведены церковь, хозяйственные постройки из сырцового кирпича.

Однако землетрясение 1889 года разрушило все эти здания. Вновь монастырь стал отстраиваться с 1894 года: был заложен новый храм, возведены корпуса для монахов. В 1898 году при монастыре была открыта школа грамоты для местных и русских детей, закончен и освящен храм.

Деятельность монахов, прибывших из Валаама, была разнообразной. Главная – служба в храмах Святого Духа и Одигитрии (т.е. Богоматери Путеводительницы) дополнялась сельскохозяйственными работами – сенокосы, пасека, рыбная ловля, садоводство – и преподаванием в школе. Монастырь служил для туркестанской духовной консистории местом ссылки провинившихся членов клира, – священников, дьяконов. Вот только планируемой миссионерской деятельности не велось, как и по всей епархии (5,6).

В Иссык-кульском монастыре до революции хранилась главная святыня православных христиан Киргизии – Тихвинская икона Божией Матери, привезённая сюда с Афона. Когда монастырь разрушали, большевики расстреливали эту икону в упор, так же, как и иноков. Но образ сохранился, почитается как чудотворный и находится ныне в Свято-Троицком храме г. Каракол. Монахи Серафим и Феогност, пострадавшие от красного террора, прославлены в Алматинской епархии и причислены к лику преподобномучеников. После разгрома

Иссык-Кульского монастыря они построили себе кельи в местечке Кзыл-Жар в Аксайском ущелье. Здесь же они и были убиты в августе 1921 года (25. с.24). Монастырь, несмотря на недолгую жизнь и полное уничтожение, всё-таки прославился в нашей республике, играет и поныне большую роль в деле духовного просвещения верующих.

Иссык-куль не первый раз выходит на арену христианской истории Средней Азии, – вспомним братьев-армян. Все святыни, средневековые и недавние, все разрешенные до основания храмы, все погибшие священники и епископы для верующих никуда не исчезают, навсегда оставаясь духовным наследством Церкви независимым от социально-политических потрясений, этнических процессов, административных изменений. Духовная традиция не подвластна времени. Более того, для религиозного сознания нередко бывает, что чем древнее объект почитания, тем большего благоговения он заслуживает. Святость тем и проявляет себя, что преодолевает естественные законы тления, летоисчисления, государственной принадлежности, выводится из пространственно-временного потока в область особого сакрального пространства. В этом пространстве не исчезло ни одно из усилий туркестанских епископов и священников по благоустройству самой обширной, самой бедной материально и духовно епархии.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Туркестанские епархиальные ведомости. -^о5, Ташкент 1907.
2. Голос из Семиречья. Церковно-общественный вестник.
3. Туркестанский сборник.- Т. 352.
4. Яковлев В.А. Из церковной жизни Туркестана. – Верный, 1902.
5. Гиляровский А. Троицкий миссионерский монастырь при озере Иссык-Куль в Туркестане. – М., 1894.
6. Иссыккульский православный миссионерский монастырь в Средней Азии. – СПб., 1896.
7. Любимов П.П. Религия и вероисповедальный состав населения Азиатской России. – Петроград, 1914.
8. Вошинин В. Очерки нового Туркестан. Свет и тени русской колонизации. – СПб., 1914.
9. Лавров М.В. Туркестан. География и история. – М., 1914.
10. Русское православие. Вехи истории.- М., 1989.
11. История Киргизской ССР. – В 5 томах. – Т.2. – Фрунзе, 1986.
12. Усубалиев Т.У. Фрунзе – столица Советского Киргизстана.- М., 1971.
13. Цитович Г. Храмы армии и флота. – Пятигорск, 1913, с.454-481.
14. «Слово Жизни» – далее «С.Ж.» от 28 июля 1993, с.2.
15. Ярков А., Галицкий В. О православной культуре в дореволюционном Кыргызстане. – «С.Ж.» от 31 мая 1996 г., с.3.
16. Владимир, архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский. Слово в день памяти Святого Апостола Фомы. Об истории христианства в Средней Азии. – «С.Ж.», 1993, №№ 103-104.
17. Горячева В.Д., Перегудова С.Я. Христианские памятники Кыргызстана. – К истории Христианства в Средней Азии. (XIX-XX вв). – Ташкент, 1998.
18. Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. – Ташкент, 1994.
19. Схематическая история христианства. – СПб., 1994.
20. Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. – М.; Изд-во «Отчий дом», 1994.
21. Житие схиархимандрита Варсонофия. Издание Введенской Оптиной пустыни, 1995.
22. Елгин Ю.А. Церковная архитектура на юге Казахстана – Памятники истории и культуры Казахстана. – Алма-Ата, 1989.
23. Православный энциклопедический словарь. – СПб.: Изд-во Сойкина, 1912.
24. Проскурин В. Дедушка русского Туркестана.- «Веди» №3-4, Алматы, 1999.
25. Ходаковская О. Неизвестная фотография преподобного Серафима Аксайского. – «Веди» №3-4, Алматы, 1999.